

УДК 130.2

МОДЕРНИЗАЦИЯ И КУЛЬТУРА: ЦЕННОСТНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ¹**MODERNIZATION AND CULTURE: VALUES MEASUREMENT****Е.А. Когай, Т.Л. Прокопчук****E.A. Kogay, T.L. Prokopchuk**

Курский государственный университет, Россия, 305000, г. Курск, ул. Радищева, 33

Kursk State University, 33 Radisheva St, Kursk, 305000, Russia

E-mail: eakogay@mail.ru, prokopchuk.tatyana@mail.ru

Аннотация

В статье представлен анализ социокультурных аспектов модернизационных преобразований в России. Рассматривая ценности в качестве инструмента измерения социокультурного состояния общества, авторы проводят сопоставление ценностных систем ряда территориальных образований, проявляют их различие. Дана характеристика одного из способов взаимосвязи модернизации и культуры – победы традиционной культуры над модернизацией. Рецидивом осуществления данного типа взаимосвязи является архаизация. Делается вывод о важности органического соединения традиций и современности, реализации разнообразных вариантов социокультурных моделей модернизационного развития.

Abstract

The article presents the analysis of sociocultural aspects of modernization transformations in Russia. Considering values as the instrument of measurement of a sociocultural condition of society, authors carry out the comparison of valuable systems of a number of territories, show its distinction. The characteristic of one of methods of interrelation of modernization and culture – is a victory of traditional culture over modernization. A recurrence of implementation of this interrelation's type is the archaization. The conclusion about the importance of organic compound of traditions and the modernity, implementation of different variants of sociocultural models of modernization development is drawn.

Ключевые слова: модернизация, культура, ценности, архаизация, традиции.**Keywords:** modernization, culture, values, archaization, traditions.

Конец XX столетия был ознаменован существенным социально-политическим и социокультурным сдвигом в нашей стране, выходом на форсированное осуществление модернизационных процессов во всех сферах жизни российского общества. И это не могло не оказать существенного воздействия на состояние российской культуры. В функциональном плане культура предстает, прежде всего, как многогранная система ценностей, норм, образцов поведения, осуществляющих регуляцию поведения людей. Данная система, несомненно, подвергается влиянию модернизационных процессов, в связи с этим возникает вопрос о соотношении традиционных и инновационных ценностей, а также о месте и тех и других в современном российском обществе.

Обращаясь к первой части обозначенного вопроса, мы будем опираться на выделенные в научном знании ведущие типы взаимосвязи традиций и новаций: 1) конфликт – противопоставление новаций и традиций; 2) симбиоз – одновременное существование новаций и традиций; 3) синтез – взаимодополнение традиций и новаций [2].

¹ Работа подготовлена при поддержке РГНФ в рамках проекта «Социокультурный потенциал модернизационных преобразований регионов Центрального Черноземья» (№ 15-03-00506).

В отношении вопроса о роли ценностей в современном обществе мы склоняемся к предположению о том, что в ценностной системе России под влиянием модернизационных процессов наблюдается формирование тенденции к минимизации роли традиционных ценностей и постепенной ориентации на современные. Обоснование данного утверждению мы попытаемся дать с опорой на эмпирические материалы, полученные в ходе всероссийского опроса населения России «Ценности и интересы Россиян», проведенного Институтом социокультурных изменений ИФРАН в 2015 году (N=1031), а также на данные регионального социологического исследования, проведенного в Курской области в 2016 году (N=500). Отметим при этом, что региональное исследование было осуществлено на основе типовой методики «Социокультурный портрет региона России»[5].

Исходя из того, что модернизационные процессы протекают на пространстве России неравномерно, мы обратимся к вопросу о соотношении системы ценностей России в целом и ее территориальных образований – Центрального Федерального округа (ЦФО) и Курской области. Обратимся к таблице 1, в которой представлено распределение выявленных в ходе эмпирических исследований ценностей по четырем функциональным слоям, выделенными Н.И. Лапиным: интегрирующее ядро, интегрирующий резерв, оппонирующий дифференциал, конфликтогенная периферия. Отметим при этом, что в интегрирующее ядро включены основополагающие ценности людей, в интегрирующем резерве представлены ценности второго порядка (запаса), оппонирующий дифференциал охватывает ценности, в которых многие люди отказываются признавать свои собственные ориентиры, наконец, к конфликтогенной периферии отнесены ценности, отрицаемые подавляющим большинством. Соответственно базовые ценности поровну делятся на терминальные (ценности-цели) и инструментальные (ценности-средства), в свою очередь, ценности-цели и ценности-ценности подразделяются на три культурных типа – традиционный, общечеловеческий и современный (модернистский, либеральный) [4].

Если оценивать данные эмпирических исследований в целом, то уже в самой структуре ценностей рассматриваемых территориальных образований фиксируется относительное отличие, например, структура интегрирующего ядра в Центральном Федеральном округе представлена шире, чем в России и Курской области, – в ЦФО данные ценности были поддержаны 60% и более опрошенными; в конфликтогенной периферии ЦФО осталась всего одна традиционная ценность – своевольность, при том, что в целом по России и Курской области этот слой представлен двумя ценностями; также в России и Курской области более широко представлен интегрирующий резерв относительно ЦФО, причем в системе ценностей страны в целом полностью отсутствует оппонирующий дифференциал.

Интегрирующее ядро по России представлено девятью ценностями, которые в значительной мере разнятся с ценностями интегрирующего ядра территориальных областей. На первом месте в системе ценностей россиян стоит семья (4,61), а затем порядок (4,59), жизнь человека (4,58), общительность (4,58), благополучие (4,36), независимость (4,28), традиция (4,19), свобода (4,11), работа (4,06), при том, что в ЦФО и Курской области на первом месте ценность жизни человека, а семья занимает вторую и третью строчку в системе соответственно.

Важно отметить и тот факт, что ценность традиции в России и ЦФО представлена в интегрирующем ядре, а в Курской области данная ценность находится, можно сказать, в переходном состоянии из интегрирующего резерва в ядро, так как разница между данными слоями составила всего лишь 0,05 – 0,06.

Интегрирующий резерв, как уже выше говорили, шире всего представлен в России (три ценности) и Курской области (три ценности), а в ЦФО (одна ценность). При этом следует отметить и то, что принципиального сходства ценностей в данном слое не выявлено. Оппонирующий дифференциал в Курской области представлен ценностями жертвенности, инициативности и нравственности, в России данный слой отсутствует, а в ЦФО он представлен только ценностью властности. Конфликтогенная периферия представлена

во всех трех регионах ценностью своевольности и, за исключением ЦФО, ценностью властности.

Таблица 1
Table 1

**Функциональная система ценностей населения России,
Центрального Федерального округа и Курской области (5-балльная шкала, средние баллы)
Functional values' system of population of Russia,
Central Federal District and Kursk Region (five-grade scale, the average values)**

Россия		ЦФО		Курская область	
R	Ценности Баллы	R	Ценности Баллы		
Интегрирующее ядро (4,0 – 5,0)					
1	Семья 4,61	1	Жизнь человека 4,70	1	Жизнь человека 4,55
2	Порядок 4,59	2-3	Семья 4,63	2	Порядок 4,48
3-4	Жизнь человека 4,58	2-3	Общительность 4,63	3	Семья 4,43
3-4	Общительность 4,58	4	Работа 4,54	4	Общительность 4,33
5	Благополучие 4,36	5	Благополучие 4,36	5	Благополучие 4,20
6	Независимость 4,28	6	Свобода 4,35	6	Независимость 4,15
7	Традиция 4,19	7	Независимость 4,28		
8	Свобода 4,11	8	Традиция 4,18		
9	Работа 4,06	9	Порядок 4,13		
		10	Инициативность 4,10		
		11	Жертвенность 4,08		
Интегрирующий резерв (3,5 – 4)					
10	Жертвенность 3,92	12	Нравственность 3,79	7	Традиция 3,95
11	Инициативность 3,87			8	Работа 3,92
12	Нравственность 3,64			9	Свобода 3,89
Оппонирующий дифференциал (2,81 – 3,49)					
		13	Властность 2,92	10	Жертвенность 3,48
				11	Инициативность 3,47
				12	Нравственность 3,34
Конфликтогенная периферия (2,8 и менее)					
13	Властность 2,77	14	Своевольность 2,60	13	Властность 2,37
14	Своевольность 2,47			14	Своевольность 2,16

Рассмотрим распределение представленных ценностей в соответствии с культурными типами. Заметим, что к традиционным относятся ценности традиции, семьи, жертвенности и своевольности; к общечеловеческим – ценности порядка, благополучия, работы, общительности, нравственности и властности; к современным – ценности жизни человека, свободы, независимости, инициативности [3].

Таблица 2 свидетельствует о том, что во всех рассматриваемых нами территориальных образованиях доминирует современный тип ценностей, далее идут общечеловеческие ценности, а традиционные ценности представлены в меньшей степени.

В целом можно сказать, что в настоящее время на данных территориях, по сути, наблюдается определенный баланс между культурными типами ценностей, – разница между уровнями слишком мала для того, чтобы с уверенностью заявить о доминировании того или иного типа. А способ их сосуществования может быть охарактеризован, скорее всего, как симбиоз. О синтезе пока еще речь вести рано.

Таблица 2
Table 2

**Распределение культурных типов ценностей населения России,
ЦФО и Курской области**
**Distribution of values' cultural types of population of Russia,
Central Federal District and Kursk Region**

Регион	Россия	ЦФО	Курская область
Тип ценностей			
Традиционный	3,80	3,87	3,51
Общечеловеческий	4	4,1	3,77
Современный	4,21	4,36	4,02

Тем самым на основе приведенных данных можно отметить, что на примере структуры ценностей и их культурной дифференциации можно прийти к выводу о неравномерности протекания процессов модернизации на территории нашей страны.

Обратимся к вопросу о том, как могут быть связаны между собой модернизация и культура. В.Г. Федотова выделяет семь типов их взаимосвязи: «1) формирование модернистской культуры на Западе в результате его модернизации; 2) модернизация сфер общества, не затрагивающая культуры, и по этой причине чреватая срывом; 3) победа традиционной культуры над модернизацией, проведенной неграмотно или слишком быстро; 4) учет собственной культуры при осуществлении модернизации незападных стран; 5) учет в модернизации повседневной культуры людей и в особенности хозяйствующих субъектов; 6) несводимость модернизационной культуры к западной, формирование новых модернизационных культур (Востока, отдельных стран); 7) создание модернизационных культур незападных стран на основе традиционной культуры и новых задач» [10].

Начало постсоветского периода в России, как свидетельствует социальный опыт, было связано, по сути, с реализацией третьего типа взаимосвязи модернизации и культуры. Изменения проводились довольно быстро и безоглядно. Тот вариант осуществления модернизации, который был выбран в 90-е годы XX столетия Россией, исследователи именуют моделью «догоняющей модернизации». В соответствии с обозначенной моделью Запад рассматривался как единственный образец реализации преобразований. Эмпирические же несоответствия с данным образцом однозначно трактовались как незавершенная, или неуспешная модернизация.

Трудности модернизационного реформирования вызвали в действие обратные социальные механизмы, обратившие общество к его прошлому. При реализации модернизации архаическая культура как бы вырвалась на поверхность изменяющегося общества, стала фактически препятствием модернизации. Тем самым мы можем вести речь о разворачивании на территории нашей страны процесса демодернизации, архаизации – стихийного, бессознательного обращения значительных масс людей к архаическим культурным смыслам и социальным практикам. В истории развития ряда стран есть немало примеров, когда в ответ на вызовы времени архаические практики инверсионно возвращали общество к прежним ценностям.

Следует отметить, что проблема архаизации общества в российской философской мысли поднимается со времен спора «почвенников» и «западников», новый импульс приобретает в теме «нового средневековья» А.Н. Бердяева, а в более позднее время – в творчестве российского социального философа А.С. Ахиезера. В качестве главной проблемы российского общества, являющегося на протяжении ряда десятилетий и даже веков противоречивым и расколотым, этот мыслитель указывает на необходимость регулярного поиска ответов на усложнение, на рост угроз выживаемости. И ответы эти вызывают к жизни экстенсивные методы, сложившиеся в древних и соответственно относительно простых

условиях. Архаизация выступает результатом «следования субъекта культурным программам, исторически сложившимся в тех пластах культуры, которые сформировались в более простых условиях, в условиях догосударственной жизни, уже не отвечающих возросшей сложности мира, характеру и масштабам проблем» [1, с. 90]. Феномен архаизации здесь предстает формой регрессивного развития, при которой программы деятельности связаны с доосевой культурой, с доминированием ценностей локальных миров. Отношения между людьми здесь не являются рациональными, они выстраиваются исключительно на эмоциях, круг общения этих людей довольно ограничен.

Такой тип отношений, как правило, присущ малым обществам. Однако он может характеризовать также и большое общество. Архаизация, как это ни парадоксально, обладает способностью уменьшения хаоса – посредством попятного движения, возвращения на уровень прежнего порядка. Архаизация не может однозначно рассматриваться как некое зло, она проявляет довольно сложные процессы, происходящие в культуре и социуме в целом. Она являет собой, по сути, попытку общества найти точку опоры – опереться на свои исторические и культурные корни в процессе перманентных изменений и реформ.

Культурные программы архаического типа в кризисные моменты развития общества становятся механизмом адаптации человека к чрезмерно возросшей сложности мира. И проявляются они в воссоздании идеалов прошлого, где всегда находилось место дуальной оппозиции («добро» – «зло», «верх – низ», «общество – природа» и т.д.), где не требовалось проявления рефлексии.

Мышление в полюсах дуальной оппозиции, в конечном счете, является деструктивным, так как оно малозначимые различия (смыслов, ценностей и т.п.) делает значимыми, абсолютными, что неизбежно ведет к расколу культуры. Затем осуществляется следующий шаг, и из формы культуры архаизация становится формой массового социального поведения, что оборачивается примитивизацией и дезорганизацией общества: происходит варваризация всей среды существования человека, его образа жизни, быта, технологий, наконец, сферы человеческих взаимоотношений.

Нельзя не отметить, что против архаики как таковой воевать бессмысленно. Она не может стать доминирующей установкой, пока мышление не останавливается в своем развитии. Однако когда мыслящая часть общества при этом перестает справлять со своей основной задачей – создавать и проецировать смыслы, отвечать на мыслительные вызовы эпохи, что оборачивается повсеместной архаизацией.

Какие проявления архаизации мы видим сегодня в российской культуре?

Это, прежде всего, торжество дологического, синкретичного типа мышления. Такое мышление не опирается на эмпирический опыт, оно мистично. Для архаического сознания, как верно подмечено Леви Брюлем, предметы и существа природного мира органично вплетены в сеть партиципаций и взаимоисключений мистического характера, и эти взаимосвязи и взаимоисключения составляют основу происходящего [6]. Архаическое сознание надстраивает над физическим миром свой собственный мир, – мир идей, символов, сакральных смыслов, которые не столько отражают действительное положение вещей, сколько стремятся дать доступное пониманию объяснение происходящего.

Архаизация проявляется и в тенденции вплетения в культуру экстрасенсорных явлений, веры в гороскопы, колдовства. Повышается интерес к эзотерике, оккультизму, чему всячески способствуют современные СМИ. Нами был проведен экспресс-анализ содержания передач популярных телеканалов, где каким-либо образом происходит подталкивание человека к обращению архаичным образцам. Лидером среди телеканалов стал «ТВ-3» (как отмечено на официальном сайте: «ТВ-3» – единственный в России телеканал, который позволяет заглянуть за пределы реальности»). Более половины проектов телеканала связаны с мистикой, магией, гаданиями и т.д. Среди самых популярных – «Человек-невидимка», «Гадалка», «Слепая», «Мистические истории», «Охотники за привидениями». Далее идет телеканал «ТНТ», где наиболее популярным шоу является «Битва экстрасенсов», созданное по примеру британской передачи «Britain's Psychic Challenge». Подоб-

ного рода передачи очень распространены и во многих других странах, среди которых США, Израиль, Украина, Грузия и другие. В России «Битва экстрасенсов» транслируется с 2007 года и с каждым новым выпуском только повышает свой рейтинг. Мистические передачи также показывают на каналах «Рен-ТВ», «Пятница», и, как ни прискорбно, даже на «Первом канале». И тут возникают вопросы: К чему все это ведет? В чем причины популярности таких передач? Истинная вера или банальное любопытство?.. Нельзя не отметить при этом, что сам характер веры россиян является довольно эклектичным, в ней причудливо переплетены суеверия языческого прошлого, обрывочные знания и псевдонаучные факты. Размывание мировоззренческой картины мира разрушает прочные ценностные основания личности, открывает путь к аномии.

Существенной чертой архаики выступает также «новый мистический провиденциализм», в котором провозглашается радикальный отказ от линейного представления времени. Идет ослабление историчности, сама история предстает некоей игрой. А упрощение истории, в конечном счете, ведет к ее фальсификации, а также к отрицанию. Тем самым архаизация оборачивается утратой исторической памяти, и, как следствие, потерей тех самых исторических корней, к которым она изначально обращается на бессознательном уровне.

Еще одной чертой архаики следует назвать замыкание на локальных пространствах, создание фрагментарных миров. Остальные миры предстают как чуждые, как несущие некую опасность. Деление всех людей на «своих» и «чужих» также является признаком архаической культуры. Обращение к работам исследователей первобытных племен показывает, что избыточная агрессия в архаических социальных группах, как правило, переносилась во внешний план, осуществлялось четкое размежевание на «мы – они», «свои – чужие». Феномен дистинкции (*distinction*, лат. — различие, размежевание) в архаических сообществах играл существенную роль, способствуя внутриплеменной моральной регуляции. Сама структура родоплеменного сознания в значительной степени определялась этой дихотомией. «Свое» наделялось позитивными характеристиками, своему – будь то человек, животное или дерево – следовало проявлять лояльность, можно было сочувствовать, сострадать. Чужое порождало враждебное отношение, вызывало негативные эмоции, хотя его главный «недостаток» заключался в том, что оно было непонятно.

Отметим, что разделение на «своих» и «чужих» онтологически присущее человеческой психике, оно наиболее ярко проявляется на первых этапах индивидуального и исторического развития. И лишь в процессе длительной социальной и культурной эволюции происходит стирание резких граней между «своим» и «чужим», что создает возможности для выстраивания диалога, проявления чувств сопричастности, сострадания к иному, непохожему на «свое». Однако в кризисные моменты развития общество порой возвращается к этому разделению, и вновь «чужие» начинают демонизироваться и представляться как угрожающие целостности общества. Что касается культурного опыта «чужого», то он значительно снижается или даже уничтожается.

Важной чертой архаики становится мифологизация сознания общества. Но если в первобытном обществе мифы создавались в определенной мере в качестве компенсации недостатка обоснованной информации, то сейчас ситуация совершенно противоположная: человек сталкивается с переизбытком информации, а следовательно, и с повышенной сложностью поиска достоверного знания в информационном хаосе. Востребованность мифов сегодня не столь конструктивна, как в первобытности: так, через средства массовой информации сегодня повсеместно в сознание людей внедряются мифы, манипулирующие сознанием. Особая роль при этом отводится политическим мифам, нацеленным на создание благоприятной почвы для регуляции социального поведения и утверждения контроля над ним.

Утверждение архаики в культуре, помимо того, ведет к утверждению необходимости гетерономной (несамостоятельной) силы, отказу от свободы индивида, оправданию уходящего в прошлое образа жизни и его восстановлению, к оценке трансформационных процессов в контексте понятий катастрофизма [7]. Нельзя не согласиться с Д.В. Сергее-

вым: «... современная Россия проявляет стойкую тенденцию к возрождению культурных смыслов, которые кодируются согласно правилам ушедших языков культуры. Все это ведет к формированию стратегий поведения, которые опираются в значительной мере на архаические пласты бессознательного, что проявляется в воскрешении мифопоэтических способов осмысления действительности, реализации социальных и культурных практик, напоминающих магические формы влияния на происходящее» [7, с. 115-116].

Различают естественную и искусственную архаизацию культуры. Естественная архаизация предстает как механизм адаптации к быстро изменяющейся среде, как закономерный неотрефлексированный ответ человеческого сознания (блокировка рационального сознания) на вызовы эпохи перемен: миф, ритуал, обращение к опыту предков проявляют свою компенсаторную функцию, они позволяют человеку обрести самотождественность, самоидентичность.

Вторая, искусственная, архаизация представляет гораздо большую опасность, чем первая, естественная, так как она ведет, в конечном счете, к уничтожению через культуру самого общества. Народ целенаправленно низводится до уровня макро-племени, которому свойственен дологический тип мышления. С таким архаическим ренессансом нам приходится сталкиваться в настоящее время. Благодаря современным технологиям, используемым средствами массовой информации, текстовая реальность начинает доминировать над реальностью объективной, слово и форма фактически начинают заменять сущность. При этом СМИ повсеместно транслируют и актуализируют фактически ставшие архаичными формы социальных практик и отношений.

Буфером между модернизацией и архаикой выступает *традиция*. Важно, чтобы традиция дополняла модернизацию, содействовала органической модернизации – процессу, который вписывается в социокультурный код страны, не заставляет отказываться от ценностных оснований национальной культуры. Современная российская культура нуждается в органическом соединении традиций и современности. Противопоставление традиций и инноваций современными исследователями (Э.А. Паиным, В.Г. Федотовой и др.) признается ошибочным [8; 9]. Порой оказывается, что традиционные общества обладают теми чертами, которые потом начинают считаться современными. В таком варианте взаимодействия модернизации и культуры реализуется установка «культура имеет значение». При этом социокультурная система осуществляет освоение достижений других культур в тех сферах, которые, возможно, в ней самой не так развиты, как хотелось бы. Но главное, что она при этом сохраняет свою исходную основу, утверждает самобытность и определенность, способность к автопоэзису – поддержанию целостности и устойчивости системы.

Значимая роль в этом процессе принадлежит просвещению. Именно образование, на наш взгляд, может стать эффективным средством социокультурной консолидации общества, содействия его социально-экономическому и духовному росту. При этом, правда, следует определиться с целевыми функциями образовательного процесса в стремительно меняющейся окружающей среде, утвердить стратегию национального образования, найти эффективные механизмы ее обеспечения. Полагаем, что задачу концептуального обоснования целей, задач и функций образовательного процесса в нашей стране на сегодняшний день нельзя считать решенной.

Как уже отмечалось выше, модернизационные процессы в России протекают неравномерно. Вместе с тем, на наш взгляд, региональные различия в нашей стране позволяют исследователям и представителям органов власти предлагать разнообразные варианты реализации моделей модернизационного развития. Важно, чтобы эти модели опирались на национальные и региональные социокультурные основания, чтобы они задавали стратегические ориентиры, укрепляющие, а не разрушающие канву культурной жизни людей.

Список литературы References

1. Ахиезер А.С. Архаизация как категория общественных наук (на опыте России) // Журнал социологии и социальной антропологии. 2001. Том IV. № 1. – С. 89-100.
Achiezer A.S. Archaization as a Social Science Category (Russia's experience) // Journal of sociology and social anthropology. 2001. Vol. IV. № 1. – P. 89-100. (in Russian)
2. Бажанова Л.М. Конфликт традиций и новаций в контексте глобализирующейся культуры // Вестник Ставропольского государственного университета. 2010. – С. 157-164.
Vazhanova L.M. Conflict of traditions and novations in context of globalizing culture // Vestnik of Stavropol State University. 2010. – P. 157-164. (in Russian)
3. Лапин Н.И. Структура ценностей россиян: всероссийский мониторинг и портрет региона // Опыт построения социокультурных портретов регионов России / Под ред. Е.А. Когай. – Курск: Изд-во Курского государственного университета, 2007. – С. 47-62.
Lapin N.I. Values structure of Russians: all-Russian monitoring and portrait of a region // The experience of construction of sociocultural portraits of Russian regions / Under the editorship of E.A. Kogay. – Kursk: Printing house of Kursk State University, 2007. – P. 47-62. (in Russian)
4. Лапин Н.И. Функционально-ориентирующие кластеры базовых ценностей населения России и ее регионов // Социологические исследования. – 2010. № 1. – С. 28-36.
Lapin N.I. Functionally-oriented clusters of basic values of the population of Russia and its regions // Sociological Research. 2010. № 1. P. 28 - 36. (in Russian)
5. Лапин Н.И., Беляева Л.А. Программа и типовый инструментарий «Социокультурный портрет региона России» (Модификация 2010). М.: ИФРАН, 2010. 111 с.
Lapin N.I., Belyaeva L.A. The programme and type tools «Sociocultural portrait of a Russian region» (Modification 2010). M.: IFRAS, 2010. 111 p. (in Russian)
6. Леви-Брюль Л. Первобытное мышление. – М.: Атеист, 1930. – 337 с.
Levi-Bruhl L. Primitive mentality. – M.: Ateist, 1930. – 337 p. (in Russian)
7. Сергеев Д.В. Социально-культурная ситуация в России начала XXI века: рецидивная культура, архаизация, изобретенная архаика // Мир России, 2012. – № 3. – С. 100-118.
Sergeev D.V. Sociocultural situation in Russia at the beginning of the XXI century: recurrent culture, archaization, invented archaic // Mir Rossii, 2012. – № 3. – P. 100-118. (in Russian)
8. Паин Э.А. Между империей и нацией. Модернистский проект и его традиционалистическая альтернатива в национальной политике России. – М.: Фонд «Либеральная миссия», 2003. – 164 с.
Pain E.A. Between the empire and the nation. The modernist project and its traditionalistic alternative in the national policy of Russia. – M.: Fond «Liberal'naya missiya», 2003. – 164 p. (in Russian)
9. Федотова В.Г. Кризис модернизации и архаизация общества // Знание. Понимание. Умение. – 2013. – № 1. – С. 309-313.
Fedotova V.G. Crisis of Modernization and Archaization of Society // Znanie. Ponimanie. Umenie. – 2013. – № 1. – P. 309-313. (in Russian)
10. Федотова В.Г. Модернизация и культура // Знание. Понимание. Умение. – 2012. – № 4. – С. 139-147.
Fedotova V.G. Modernization and culture // Znanie. Ponimanie. Umenie. – 2012. - № 4. – P. 139 – 147.